

УДК 271.2
ББК 86.372
В19

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Phoebe Yu / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Василий Великий, (архиеп. Кесарии Каппадокийской;
ок. 329—379).

В19 Беседы на Шестоднев / Святитель Василий Великий. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Сокровища Православия. Библиотека всемирной классики).

ISBN 978-5-04-211804-3

Богословский труд Василия Великого «Шестоднев» — девять бесед на первую главу Книги Бытия — замечателен не только своим глубоким религиозным настроением, но и по тем философским и научным выводам, которые сохранили свою ценность и для настоящего времени. Текст первых девяти бесед приводится по изданию: «Творения иже во святых отца нашего Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския».

УДК 271.2
ББК 86.372

© Носкова Е.В., составитель, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211804-3

Содержание

<i>Беседа первая</i>	
В начале сотворил Бог небо и землю	7
<i>Беседа вторая</i>	
О том, что земля была невидима и неустроена . . .	33
<i>Беседа третья</i>	
О тверди	57
<i>Беседа четвертая</i>	
О собрании вод	84
<i>Беседа пятая</i>	
О прозябениях земли	102
<i>Беседа шестая</i>	
О сотворении небесных светил	128
<i>Беседа седьмая</i>	
О пресмыкающихся	161

<i>Беседа восьмая</i>	
О птицах	180
<i>Беседа девятая</i>	
О животных земных	206
<i>Беседа десятая</i>	
О сотворении человека «по образу...»	229
<i>Беседа одиннадцатая</i>	
О человеке	260

Беседа первая
В начале сотворил Бог небо
и землю
(Быт. 1:1)

Кто хочет повествовать о составе мира, для того приличное начало — сказать предварительно о начале устроения видимых вещей. Ибо он должен передать историю о творении неба и земли, которое не само собою произошло, как представляли себе некоторые, но имело причину в Боге.

Какой слух будет достоин великости повествуемого? С каким приуготовлением надобно приступать душе к слышанию таких предметов? Ей должно быть чистою от плотских страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, из чего только можно занять понятие о Боге, достойное Бога.

Но прежде, нежели исследуем точность речений и рассмотрим многозначительность сих немногих слов, представим себе, кто беседует с нами? Чрез это, хотя бы, по немощи нашего разума, и не проникли мы в глубину сердца повествователя, однако же, обратив внимание на достоверность говорящего, сами собою дойдем до необходимости согласиться на сказанное.

Итак, составивший сие повествование есть Моисей — тот Моисей, о котором засвидетельствовано, что **был прекрасен перед Богом** (Деян. 7:20), будучи еще грудным младенцем, которого усыновила дочь фараонова и воспитала по-царски, приставив к нему для обучения мудрых египетских наставников. Который, возненавидев гордость преобладания и обратившись к униженному состоянию единоплеменников, лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение (Евр. 11:25); который, получив от самой природы любовь к правде, еще прежде, нежели вверено ему начальствование над народом, по естественному отвращению от зла оказывается даже до смерти готовым преследо-

вать злых; который, будучи изгнан облагодетельствованными и с радостью оставив египетские мятежи, удалившись же в Эфиопию, там, на совершенной свободе от других занятий, в продолжение целых сорока лет, упражнялся в умозрении о существующем; который, будучи уже семидесяти лет, видел Бога, как можно видеть человеку, лучше же сказать, как не видал ни один человек, по собственному Божию свидетельству: **если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю ним; но не так с рабом Моим Моисеем, он верен во всем дому Моем: устами к устами говорю Я с ним, а не в гаданиях** (Чис. 12:6–8). Сей-то, наравне с Ангелами удостоившийся лицезрения Божия, повествует нам нечто из того, что слышал он от Бога. Послушаем же вещаний истины, которые изречены **не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы** (1 Кор. 2:4) и имеют целью не похвалу слушающих, но спасение поучаемых.

В начале сотворил Бог небо и землю. Изумительность мысли связывает у меня слово. О чем говорить прежде? С чего начать толкова-

ние? Обличать ли суетность язычников? Или возвеличить истину нашего учения?

Эллинские мудрецы много рассуждали о природе — и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения, их самих достаточно друг для друга к собственному низложению. Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины, а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным началам и причину всех вещей приписывали стихиям мира, другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и скважинность, потому что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то взаимно сходятся, то разлучаются, а в телах, существующих долее других, причина продолжительного пребывания заключается в крепчайшем сцеплении атомов.

Подлинно ткут паутинную ткань те, которые пишут это и предполагают столько мел-

кие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: **в начале сотворил Бог небо и землю**. Потому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства и приводится в движение как бы случаем. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо, в первых словах, просветил наше разумение именем Божиим, сказав: **в начале сотворил Бог**.

Какой прекрасный порядок! Сперва упомянул о начале, чтобы иные не почли мир безначальным, а потом присовокупил: **сотворил**, — в показание, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителява могущества. Как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы, так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу, не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходнейшую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли.

А если мир имеет начало и сотворен, то спросим себя: кто дал ему начало и кто его Творец? Лучше же сказать: чтобы тебе, дои-

скиваясь сего посредством человеческих умствований, не уклониться как-нибудь от истины, Моисей предварил своим учением, вместо печати и ограждения нашим душам, наложив досточтимое имя Божие, когда сказал: **в начале сотворил Бог**. Сие блаженное Естество, сия неоскудевающая Благость, сия Доброта любезная и многовожденная для всякого одаренного разумом существа, сие Начало существ, сей Источник жизни, сей духовный Свет, сия неприступная Мудрость, — вот Кто **сотворил в начале небо и землю!**

Посему, человек, не представляй себе видимого безначальным, и из того, что движущиеся на небе тела описывают круги, — а в круге чувство наше с первого взгляда не может заметить начала, не заключай, что природа круговращаемых тел безначальна. Да и этого круга, то есть начертания, на плоскости описанного одною чертою, не должны мы предполагать уже безначальным потому, что убегает от нашего чувства и не можем мы найти, где он начался и где окончился. Напротив того, хотя сие и убегает от нашего чувства, однако же в действительности, кто описывал круг из средоточия и

известным расстоянием, тот, без сомнения, начал его откуда-нибудь. Так и ты, видя, что тела, описывающие круги, возвращаются в прежнее свое положение, равномерностью и непрерывностью их движения не удерживай себя в той ложной мысли, будто бы мир безначален и нескончаем. ...**проходит образ мира сего** (1 Кор. 7:31), и: **небо и земля прейдут** (Мф. 24:35).

Предвозвещением же догматов о скончании и изменении мира служит и то, что предано нам ныне кратко в самых начатках богодуховенного учения: **в начале сотворил Бог**. Начавшееся со временем по всей необходимости и окончится во времени. Если имеет начало временное, то не сомневайся о конце.

Но к какому концу приводят геометрия, арифметические способы, исследования о толщах и пресловутая астрономия — эта многопопечительная суета, если изучившие эти науки дошли до заключения, что видимый сей мир совечен Творцу всяческих Богу, и если то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели они в одну славу с естеством непостижимым и невидимым, не в состоянии будучи уразуметь и того, что где подлежат повреждениям

и переиначиваниям части, там и целое необходимо потерпит некогда одинаковые видоизменения с собственными своими частями? Но они до того **осустились в умствованиях своих, и омрачилось немысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели** (Рим. 1:21–22), что одни утверждали, будто бы небо от вечности существует вместе с Богом, а другие говорили, что оно есть Бог безначальный и нескончаемый, причина благоустройства в частях вселенной. И без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что, с такую осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в разумении истины. Но они, вымерившие расстояние звезд, описавшие звезды, всегда видимые и северные, а также звезды, находившиеся около Южного полюса и живущим там видимые, а нам неизвестные, разделившие на тысячи частей и северную широту, и зодиакальный круг, с точностью наблюдавшие возвращение звезд, их стояния, склонения и общее движение к прежним местам, а также время, в какое каждая из планет совершает свой период, — они

не нашли одного из всех способа, как уразуметь Бога, Творца вселенной и праведного Судию, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме вытекающую из понятия о суде мысль о скончании, потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет качества, сродные сему миру, так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию. Но они до того не расположены внимать сим истинам, что даже громким смехом встречают нас, которые возвещаем кончину сего мира и вечное пакибытие.

Поелику начало, естественным образом, предшествовало тому, что от начала, то повествующий о вещах, получивших бытие во времени, по необходимости всему предположил это выражение: **в начале сотворил**. Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира; но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира, было некоторое состояние, приличное премирным

силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания — мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, — так что нельзя изобрести для них и наименования. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря: **ибо им создано все... видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли** (Кол. 1:16), и ангельские воинства, и архангельские чинопочаля.

А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир — главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще место пребывания для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспешающее и протекающее и нигде не прерывающее своего течения. Не таково ли время, что в нем прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоя-

щее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире. Оно то непременно возрастает, то умалется, и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного. Посему и телам животных и растений, которые необходимо соединены как бы с некоторым потоком и увлекаются движением, ведущим к рождению или разрушению, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства, сродные вещам изменяемым. По сей-то причине премудро изъясняющий нам бытие мира, рассуждая о мире, весьма кстати присовокупил: **в начале сотворил**, то есть в сем начале, в начале временном. Ибо, конечно, не во свидетельство того, что мир по своей первобытности предшествует всему сотворенному, именует его происшедшим в начале, но говорит о начале происхождения сих видимых и чувством постигаемых вещей после невидимого и умосозерцаемого.

Началом называется и первое движение, например: **начало пути блага, еже твори праведная** (Притч. 16:6), потому что прежде всего праведные дела движут нас к блаженной жиз-

ни. Но началом называется и то, с чего начинается какая-нибудь вещь, между тем как в ней есть и другое, например: в доме — основание, а в корабле — подводная часть. В таком смысле сказано: **начало мудрости — страх Господень** (Притч 1:7), потому что богобоязненность есть как бы основа и опора совершенства. Началом же искусственных произведений именуется искусство, например: мудрость Веселеила была началом украшения Скинии. А началом нравственных поступков бывает часто и полезный конец сделанного, например: началом милостыни — приобретение благоволения Божия, и началом всякого добродетельного действия — ожидающий нас по обетованиям конец.

Поелику же начало берется в стольких значениях, то смотри, нельзя ли к слову сему и в настоящем случае приложить всех знаменований. Ибо тебе можно узнать, с какого времени началось строение сего мира, если, от настоящего поступая назад, потрудишься найти первый день бытия мира. В таком случае найдешь, с чего во времени началось первое движение. Потом найдешь и то, что как бы некоторыми основаниями и опорами предварительно про-